

ПРОЧИТАТЬ, ЗАПОМНИТЬ, СЖЕЧЬ
И ПРИСТУПИТЬ К ЛИКВИДАЦИИ

ЧЕКИСТЫ

ВОЛКИ СТАЛИНА

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

РАССТРЕЛЬНЫЙ СПИСОК

Сергей Иванович Зверев

Расстрельный список

Серия «Чекисты. Волки Сталина»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69131653
Расстрельный список: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-185628-1

Аннотация

Основано на реальных событиях. Используются архивные документы ОГПУ. Эти события произошли 90 лет назад, когда болезнь националистического сепаратизма на Украине зашла слишком далеко...

1931 год, Украина. В республике поднимают головы банды, которые пытаются устроить в республике массовые народные волнения, а польская разведка в то же время вынашивает планы оккупации части республики.

Особой жестокостью отличается шайка атамана Коновода – большого любителя вешать людей и грабить колхозные запасы.

А еще в банде есть весьма приметная троица – крепкие хлопцы по прозвищу Указчик, Петлюровец и Одессит. Странные они немного, но умные, проницательные, и атаман доверяет им, как самому себе.

Вот только ни одна живая душа в банде не догадывается, что у тех хлопцев на уме и почему они, уничтожив какого-

нибудь упитанного представителя новой советской власти, словно ставят галочку в некоем невидимом, секретном и очень длинном расстрельном списке...

Содержание

Часть первая. Мятежники и вредители	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	35
Глава 6	41
Глава 7	47
Глава 8	53
Глава 9	59
Глава 10	66
Глава 11	72
Глава 12	76
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Сергей Зверев

Расстрельный список

© Зверев С.И., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Часть первая.

Мятежники и вредители

Глава 1

Он партиец. И я партиец. Но теперь мы по разные стороны баррикад. Притом фатально для одного из нас. Потому как сейчас он – сотрудник республиканского контрольно-исполнительного органа власти, а я закоренелый террорист. И мои боевые товарищи – террористы. А все вместе мы – террор-группа.

Вот в результате такого странного загиба бытия я и жду в кустах около дороги его, Михайло Нечитайло, ответственного работника Рабоче-крестьянской инспекции Украинской ССР. В его обязанности входит коренизация и украинизация республики, и этому нелегкому делу он предан до фанатичности.

Обычно вылазки на подведомственную территорию этот советский чиновник совершает в гордом одиночестве. Волевым решением оставляет за бортом своего персонального автомобиля положенного ему по штату личного шофера. Последний жалобно скулит о своей ответственности за технику и транспортируемую персону, но разжалобить твердо-

каменного начальника ему пока не удалось ни разу. Нечитайло нравится самому небрежно крутить рулевое колесо и нестись на максимальной скорости по украинским дорогам, от которых часто осталось одно название. Сейчас время для автомобильных путешествий вполне подходящее: припекло майское солнышко, подсушив непроходимую черноземную грязь и связав населенные пункты вполне преодолимыми колесным транспортом путями.

Как там в поговорке: «Машиной овладеешь – легче путь одолеешь!»? Вот и одолевает Нечитайло дальние пути, возникая как черт из табакерки то здесь то там, сея то панику, то отчаянье среди тех представителей соваппарата, кто не сумел «коренизироваться» и освоить тонкости украинского языка и культуры. Сейчас он бодро направляется в Новоникольский район, где его ждали с содроганием.

Впрочем, причины этих индивидуальных автопробегов лежали не столько в любви коренизатора-украинизатора к простору и скорости, сколько в желании удалиться от чужих любопытных глаз в укромные места на каких-нибудь отдаленных хуторах. Зачем? Встреча! Как много в этом слове слилось для тех, кто профессионально играет в хитрые агентурно-оперативные игры.

Я извлек из кармашка просторной рабочей куртки часы-луковицу. Стрелка двигалась непозволительно медленно, но оно и неудивительно. В засадах, в тягостном ожидании, время всегда замедляет свой ход, чтобы потом компенсиро-

вать это отставание тем, что понесется в галоп, когда настанет пора действовать.

Эх, главное, чтобы наводка сработала. Но те, кто ее давал, пока что в промахах не замечены.

– Припозднился, сучий потрох, – скривился Петлюровец, присевший на корточки рядом со мной, приподнимая стволом револьвера козырек вечно сползающей на нос широкой кавказской кепки. Он был раздражен, как и обычно, когда долго не имел возможности затянуться папиросой или, на самый крайний случай, самокруткой с доброй махорочкой. А в засаде не курят. В засаде ждут.

Неторопливо протащи́лась по дороге крестьянская подвода с горшками, на которой сидел старик в чистой холщовой рубаше, широких портах и лаптях. За ней весело бежали два босоногих пацаненка. Двигайте побыстрее отсюда! Нам только посторонних здесь не хватало!

Ну же! Где ты, чертов автомобилист-коренизатор?!

Прошло еще пять минут. И чарующей музыкой прозвучал для моих ушей долгожданный нарастающий рокот автомобильного мотора.

Из-за деревьев появился зеленый двухместный французский «Сенешаль» с откидным верхом. Трофей польской войны двадцатого года. Но еще ездит, притом достаточно шустро. Крепкая машинка и ремонтпригодная. До поры до времени. Ведь чем хороши для специалистов нашего профиля автомашины – их легко обездвигить, всадив в двигатель

меткую пулю.

Время пришло! Встаю во весь рост. Вскидываю «мосинку». И безукоризненно точно разношу одним выстрелом двигатель. Тот чихает. Захлебывается. Машина виляет в сторону, зарывается носом в жесткий придорожный кустарник. Из нее выпрыгивает перепуганный незнакомый знакомец с явным намерением задать стрелкача.

– Стоять! – кричу я, для остротки еще раз пуляя в воздух.

Водитель «Сенешаля» резко скидывает руки, кричит что есть силы:

– Не стреляй! Сдаюсь!

Так он и застыл около машины, подняв руки вверх и затравленно рассматривая подходящую к нему троицу. Никого из нашей группы он не видел раньше – ни меня, ни Петлюровца, ни Одессита. Ну вот и повод познакомиться – «нечаянная» встреча на сельской проселочной дороге.

– Не доехал, комиссар? Бывает, – хохотнул Петлюровец, снова поправив кепку стволом нагана и им же тыкая в грудь пленнику.

Нечитайло был полноват, курчав, черноволос, с пронзительными карими глазами. Одет форсисто, в стиле «шофер авто»: кожаная куртка, кожаный шлем, кожаные очки-консервы.

– Товарищи... Господа... – сбился он, все еще надеясь взять ситуацию под контроль. – Вы что-то напутали! Я не комиссар. Я учитель украинского языка!

– Как на собраниях – то комиссар, а как в степи – то учитель, – кивнул Петлюровец. – Чему учишь? Как москалю сподручнее вильну Украину в рабстве держать?

– Да я за нее, за нэньку Украину, всю жизнь положил! – искренне возмутился Нечитайло.

Тут разверзлись хляби небесные, и потопом хлынули слова. Видя, что дело пахнет керосином, он многословно и с готовностью принялся унижаться, умолять. Долдонил, что в душе всегда был против советской власти. Готов сотрудничать ради ее поражения. Да что там готов – уже сотрудничает с поляками, от которых, если что с ним случится, нам не поздоровится, из-под земли достанут. Зато если согласимся его отпустить и расцеловать при этом в обе щеки – так Польша за этот благой жест завалит нас оружием и деньгами на подрыв советской власти. В общем, вербовал нас как только мог.

Про Польшу – это интересно. Тут стоит расспросить его поподробнее. Пусть даже теряя время и рискуя, что на дороге появятся ненужные нам свидетели.

Страх за свою жизнь что-то сдвинул в мозгах «коренизатора». Он легко выдавал явки и пароли. Может, они и пригодятся нам когда-нибудь. Во всяком случае, Петлюровец, засунув за пояс наган, добросовестно, со сноровкой стенографиста фиксировал откровения карандашом в свой блокнот.

– Готов все сделать! Мы с вами на одном корабле! – в итоге совсем приободрился советский чиновник. Он знал, что

в этих лесах пошаливают украинские националистические шайки, и теперь всей душой был готов примазаться к одной из них.

– Не интересует, – огласил я вердикт и отошел в сторону, сделав условленный знак рукой.

Нечитайло еще не знал, что мы пришли не за его готовностью к сотрудничеству, а за его жизнью. За жизнь моего некогда соратника по партии большевиков. Его беда в том, что он в расстрельном списке. Который нами исполняется неукоснительно и неотвратно.

Петлюровец с пониманием кивнул... Хлыстом щелкнул револьверный выстрел. Я вздрогнул, как будто попали в меня.

Сделали. Сработали. Как же ненавидел я сейчас сам себя... Хотя все меняется, и от ненависти до любви один шаг. Так что я еще буду иметь возможность возлюбить себя. Когда смою грязь от вынужденных злодейств. А пока прочь посторонние чувства!

Пора уходить. Записочку не забыть на месте преступления оставить, чтобы не забывали и не расслаблялись. «Нет – Украине пролетарской! Да – Украине украинской! Народный защитник Указчик».

Завтра нас ждут новые подвиги. Поджигать Малороссию, раздувать искры народного гнева, взрослого на зернозаготовках и коллективизации с выселениями. Пепел Свободной Украины стучит в мое сердце, как пепел Клааса стучал в

сердце средневекового революционера Тиля Уленшпигеля.
В общем, Украина будет свободной!..

Глава 2

Жаркое солнце июня 1931 года высушивало землю. Дождей не было, зной изнурял. Но дела у шайки Указчика шли неплохо.

Вчера подломили кассу Потребкооперации в сонном райцентре Завойск. Заявились туда со всей дури всей толпой. Пальнули пару раз для острастки. Такого там давно не бывало, сопротивления ошеломленный народ не оказал. Пока прочухались да забегали – мы уже по коням и на простор. А денежки лишними не бывают. Нужно щедро подогреть добрых людей, которые к тебе тянутся всей душой. И ничто не греет их души лучше, чем деньги, особенно вожаемые царские и советские золотые червонцы.

Вот они, те самые добрые люди. С трудом уместились почти три десятка человек в просторной глиняной мазанке в степи. Мы сами себя обозначили как вольный съезд с незаптейливым скромным названием «Великая Украина».

Расселись за длинными столами, составленными буквой «Г», люди: бородатые и гладко выбритые, цивильно или покрестьянски одетые, чавкающие и заглатывающие стакан самогоночки-горилочки или чинно тыкающие вилкой в капусту и поднимающие рюмочку непременно с тостом «За свободу и волю». Это мои соратники. Бандподполье.

Горилка уже начинала кружить буйные головушки. Один

из делегатов, глянув на внимательно взирающего на него черно-белого героя Гражданской войны Семена Буденного, затаившегося в застелившей стол газете, нервно икнул и вонзил в него нож:

– Курва!

Сегодня на Украине, особенно на западе, редко где найдешь место, возле которого не завелась бы своя банда. Обычно хлопцы больше прятались, чем воевали, серьезной силой не являлись, поскольку раздроблены и разобщены. Этот недостаток я и исправлял по мере сил, наводя между ними связи и сплачивая в единое целое.

Кого только не притягивала «Великая Украина». Кулаки, разбойники, бывшие петлюровцы, сечевые стрельцы, анархисты, белогвардейцы. Забытые и вновь воспрямившие персонажи времен вольницы Гражданской войны и Польской кампании. Разбуженные коллективизацией и стоном раскулачиваемого и сгоняемого в колхозы народа, они выкопали из захоронок винтовки и обрезы.

Конечно, масштабы далеко не те, что после революции. Тогда в бандах воевали тысячи. Сейчас десяток сабель уже величина, да и тем приходится все время хорониться, бежать. Потому как за ними охотятся. Против них воюет уже состоявшееся государство, а не просто Советы рабочих и крестьян, только взявшие власть.

Я у всей этой братии теперь Указчик. Это, конечно, не атаман, который «что хочет, то и воротит». Это скорее такая

указующая длань. Почему такая честь досталась именно мне, прибывшему из далекой Сибири, неприлично молодому, да и не бывавшему в этих краях уже лет пять, хотя многие из предков росли корнями в малороссийские земли? А кому же еще? Пока эти борцы за покой и волю щупали деревенских баб да шумно грозились перебить активистов и зернозаготовителей, я занимался грязной и шумной работой. То есть террором.

Один за другим я неотвратно выщелкивал врагов Украины и прочих большевиков. То из-за засады пристрелим супостата. То домой к наиболее опостылевшему комиссару завалимся. И разговор короткий: пуля – и конец, делу конец. Так за мной утвердилось репутация готового на все и не боющегося никого народного героя.

Несколько месяцев, что мы ведем активный террор, нам удавалось успешно уходить от поднятых на наш розыск и ликвидацию бойцов ОГПУ, милиции и армии. Товарищи большевики в поисках нас носом землю рыли, но находили там только «желуди», то есть цепляли всякую мелочь. Мой же отряд просачивался как вода через решето.

Хотя Украинская Республика и наводнена людьми в форме, которыми эффективно проводились массовые мероприятия по околхозиванию и раскулачиванию крестьян, уходить на этих просторах, скрываться и отлеживаться удавалось на удивление легко. Огромная часть населения готова была дать убежище «захисникам (защитникам) Украины»,

тем более тем, которые против колхозов и комиссаров бьют. А еще когда этот «захисник» деньги дает. И плюс к этому обещает жестокую месть предателям... Так что прятались, хоронились, выходили на цели мы без особых проблем.

Также без особых проблем удалось создать агентурную сеть в более-менее приличных населенных пунктах, систему связи и оповещения. Деньги и ненависть части населения как к советской власти, так и к Москве творили чудеса. Правда, и помогли мне некие благодетели тут очень хорошо, но это уже совсем другой разговор.

Еще нужно пояснить, что тянулось бандподполье не столько ко мне, сколько к моему оружию. Прошел слухок, который я не опровергал: у Указчика есть доступ к заныканным еще Петлюрой секретным оружейным складам. Там и винтовки, и пулеметы, и даже артиллерия. Хватит, чтобы кацапов скинуть хотя бы в нескольких районах, «освободительную власть» там установить, а потом начать эту земельку по разуму делить.

Время от времени приходилось устраивать вот такие сходы «Великой Украины», рискуя каждый раз, что информация о них утечет в ОГПУ. На этих пьяных сборищах думы думали об Украине, о ее светлом, свободном от москаля, грядущем и – самое сладко-мечтательное – о распределении будущих должностей. И еще меня постоянно вопрошали, когда делить будем петлюровское оружие, а потом и саму Украину. Обычно от наполеоновских планов я отбрехивался чем-

то многозначительным:

– Промедление, как и ранний старт, одинаково губительны для восстания. Пока еще рано. Но когда придет момент, все должны встать в ружье. Не медля и не сомневаясь.

– За нас не беспокойся! Мы завсегда, – звучали пылкие заверения. – Только оружие нужно! Оружие! Оружие!

Вот и сейчас заседание проходило в обычном русле, в томном блаженстве от обилия дармовой выпивки и жратвы. А тут я еще для полноты ощущений вывалил сумку с награбленными деньгами и объявил торжественно:

– На поддержку отважных борцов!

Секунда онемения. А потом ликующие вопли и сладость дележки. Пусть досталось каждому не так уж и много, но ведь досталось. Это такой прозрачный намек: с Указчиком не пропадешь.

Во время всей этой суеты в уголке сидел насупленный худощавый субъект, уже седой, в возрасте, неприлично интеллигентского вида, в круглых «очках-велосипедах», и взирал на всех осуждающе. Он был из вечно недовольных революционеров. Воевал и с царизмом, и с УНР, и с гетманом, теперь воюет с большевиками. Чудом остался жив. Готов воевать и со мной, со временем, если я взлечу высоко. Но пока мы союзники. И по нашей договоренности в самый сладкий момент дележа денег он ввернул свое веское слово:

– Господа, вам не совестно?!

Собравшиеся посмотрели на него с недоумением. Похо-

же, этот гнусный тип решил выдернуть их из такого приятного состояния благосостояния и спустить с небес на землю. Мол, праздник помни, да будни знай.

– Пьем! Делим награбленные деньги! – вдруг неожиданно громогласным, уверенным голосом зарокотал «интеллигент».

– Экспроприированные, – поправил я.

– Один черт ворованные! И забыли, кто мы, зачем мы? А сейчас гибнут от чекистских пуль наши братья!

– Это ты про Коновода? – хрумкнув огурцом, скептически посмотрел на «интеллигента» здоровяк, похожий на обросшего шерстью низколобого древнего человека, какими их рисовали в школьных учебниках. – Сам себе виноват. Ибо неча без общества в печку лезть. Когда некому холодной водички подлить, так и спечешься.

Суть проста. Два дня назад прискакал гонец со Златопольского района, что на юго-западе Украины, где вспыхнуло народное восстание. Началось с попыток селян вернуть из колхоза коров. Сельские власти им это сделать не позволили. Тогда бабы подняли крик и визг. К ним присоединились мужики с вилами. Понесся ласкающий ухо селянина клич: «Бей Советы!» Вот и забили всей ватагой насмерть председателя сельсовета и уполномоченного по зернозаготовкам. Народ в селе был ушлый и боевитый, поэтому поднятое по тревоге ОГПУ наткнулось на вырытые траншеи и стройный ружейный залп. Потом подошли войска, с которыми биться – гиб-

лое дело, и в окрестные леса, с вилами и ружьями, убежало несколько сот мужиков. Так бы они и маялись неприкаянно между березками и елями, пытаясь понять, что на них нашло и чем все это грозит, но тут появился Коновод.

Личность эта примечательная и известная в узких и широких кругах. Тоже «захисник Украины». Прямо как я, скрывающийся по норам и подтачивающий фундамент новой власти, только пожиже. Не числилось за ним стольких громких дел. Но сейчас, пользуясь оказией, он решил засиять на небосклоне яркой звездой. Привел своих людей и возглавил восстание.

Это была одна из причин экстренного «заседания общества», о которой за горилкой и салом все как-то забыли. А гонец спокойно сидел в углу и не спешил лезть поперек бабки в пекло. Зато вопрос поднял «интеллигент».

В помещении возник ропот, перерастающий в гвалт. Большинство собравшихся вполне устраивали и выпивка, и деньги, и разговоры о Свободной Украине. Однако воевать особо не хотелось никому. Но тут нарисовалась наиболее активная группа во главе с «интеллигентом», которая заразительно звала к топору.

– Как будем друг другу в глаза смотреть?! – пророкотал «интеллигент».

– А на хрена мне твои глаза? – хмыкнул «древний человек» и хрустнул очередным огурцом.

Но постепенно одержимость активистов сделала свое де-

ло, и стал побеждать решительный настрой. Горилка была в буйные головы.

– Помочь надо! – завели хором беглые кулаки.

– Не сдюжим, – возражали городские. – Коновод себе все одно шею свернет.

– Ну и пускай. Мы вовремя уйдем. Зато обид народных побольше будет. А обиды что хворост: оглянуться не успеешь, как костерок запалится. Так и сгорит эта бесова власть! – крикнул кулак.

– Любо, – громогласно проревел тучный казак.

– Любо, любо, – скривившись, крикнул «дикий человек».

Потом крики. Нестройное «ура».

И неожиданно повисло молчание. Все уставились вопросительно на меня. Мол, руководи, зря, что ли, мы твою горилку пьем и деньги с тебя берем? Тем более в военных делах вроде как специалист.

Я нехотя кивнул:

– Дело опасное. Кровавое... Но делать надо!

– Надо!

– Все как один!

– Только не я вас подбил на лихое дело, – осторожно произнес я. – Так что в случае чего и спросом не грозите.

– Любо! – шарахнул стаканом о стол казак, так что самогон расплескался мутной жижей.

Ну, любо так любо. План действий я продумал заранее и начал излагать его. Многие тут же трезвели. У других фи-

зионии становились кислые. Но назад сдать уже никто не смел. Бунт так бунт – бессмысленный и беспощадный...

Глава 3

В центре площади возвышалась наспех сколоченная корявая виселица, на которой с мерностью метронома покачивались два тела. Здесь же наличествовал двухтумбовый тяжелый богатый стол с искусной резьбой. Скорее всего, его привезли в эти глухие края в революционные голодные времена, когда деревня азартно грабила город и за мешок картошки можно было выменять все фамильные драгоценности и норковое мантио в придачу. Сейчас на стол вскарабкивались пламенные и голосистые ораторы. А вокруг бурлила и пенилась кипящим молоком перегретая толпа.

– Не будем под большевиками! – слышались отчаянные и полные решимости крики.

– Нам такой советской власти не нужно!

– Это не власть, а бандиты. Она нас ограбила и забрала все!

– В Польшу все уйдем!

– Вместе с землей!!!

Вокруг «постамент» стоял с десятков очень серьезных мужиков, в перепоясанных ремнями рубашках навыпуск, справных сапогах, мятых картузах. Они исподлобья осматривались кругом. Кто-то из них сжимал винтовку, а кто-то обреза.

А за ними застыл в гордой позе невысокий, гладко выбритый мужичонка лет сорока пяти. Одет он был в вышиван-

ку, поверх которой накинута длинная, почти до колен, кожаная куртка. Хотя было жарко, но он, судя по всему, жары не ощущал, наоборот, время от времени зябко и болезненно ежился. На злом, изборожденном оспинами лице читалось наслаждение происходящим. Вот он, Коновод. Вдохновитель всей бузы и на этот момент любимец местного народа. Эдакий племенной вождь.

Вопли становились все громче. А выкрики все радикальнее. Толпа привычно заводила сама себя:

– Геть комиссаров!

– Повесить учителя!

– Так он сбег!

– Тогда домохозяйку его повесить! Приютила змею!

– А давай!

– Она же тоже сбегла!

Нормальный такой бунт. Виденный мной не раз. Здесь царит иррациональная ненависть. Полное равнодушие к чужой жизни. И неутолимая жажда поиска врагов, с которыми надлежит разделяться максимально жестоко, хоть на куски резать. Не один же бунтуешь, в толпе. А толпа – она такая, как добрый поп: все грехи спишет.

Я, ледоколом раздвигая спаянные льды толпы, устремился к предводителю народного гуляния. За мной в кильватере двигались Одессит и Петлюровец. Первый был весел, наслаждался кипением страстей. Второй, наоборот, угрюм, насторожен, рука его лежала на кобуре. А справа от меня вы-

шагивал, как павлин, добрый хлопец Тараска, гонец, которого Коновод посылал ко мне за помощью. Благодаря ему наш небольшой отряд и запустили в село, даже не попытавшись для порядка пристрелить.

Охрана предводителя, завидев нас, потянулась к оружию и сомкнула ряды. Но тут я гаркнул:

– Осади! Своих не признали?! Я Указчик!

Теперь на меня соизволил обратить внимание сам Коновод. Ожег недобрым взором. Шагнул навстречу, грубо раздвинув своих архаровцев... И кинулся обниматься.

– Знал, что на помощь придешь! – приговаривал он, охаживая меня ладонями по плечам. – И народ приведешь!

– Ну так куда ж денемся, – скромно отвечал я. – Против Советов дружить надо!

– Надо, – как-то гулко произнес Коновод. Понятно, что дружить ему со мной вовсе не хочется, потому что сразу ставится вопрос о старшинстве, но обстоятельства обязывают. – Пошли в мой штаб. Думу думать будем, как именно подсобишь в общем деле.

– И решим заодно, зачем мне это надо, – добавил я.

Штаб размещался в сельской библиотеке, именуемой избой-читальней. У входа расположилась толпа в гимнастерках, некоторые с ружьями, на фуражках некогда сияли красные звездочки, но их выдрали с мясом. Это были новообращенные и раскаявшиеся, искупающие вину перед украинским народом, то есть перешедшие на сторону восставших,

бойцы красноармейской территориальной роты. Своего командира они успешно расхлопали. Еще двоих комсомольцев казнили с таким сладострастным удовольствием, что, глядя на это, при первой возможности треть роты сбежала. Оставшиеся постановили идти под начальство батьки Коновода и биться за него до конца.

В избе даже не успели убрать все идеологические атрибуты, так что с портрета на стене укоризненно взирал Карл Маркс, а на полу были разбросаны советские газеты.

Натюрморт тут был привычный для таких сборищ. Несколько столов составлены вместе. На них разложена жратва и выставлен самогон. Трое оголодавших «детей Украины» с ряхами, которые за день на бричке не объедешь, сосредоточенно угощались.

– А ну вон отсюда, дармоеды! – рявкнул Коновод неожиданно зычным голосом.

И жрунов как ветром сдуло. Мы остались в избе вдвоем.

– Смочи горло, – кивнул Коновод на литровую бутылку самогона. – Под амброзию и разговор веселее.

– Нет, благодарствую. Когда в деле, я не пью, – отрицательно покачал я головой, примостившись на лавку.

– Ну и правильно. – Коновод вдруг резким движением смахнул бутылку со стола, так что она упала и покатилась по полу, расплескивая мутную жидкость. Вытащил из кармана кожанки серебряную флягу и приложился. Я ощутил запах коньяка.

Он сунул флягу обратно в карман и на миг замер, оловянными глазами смотря куда-то впереди себя, в одному ему видимую даль. А я смотрел на него, осмысливая первые впечатления, которые бывают часто самыми верными.

Павло Христюк, поначалу прозван был Христосиком, но постепенно его стали величать уважительно – Коноводом, что означает нечто вроде предводителя. Насколько о нем был наслышан, это такой рафинированный продукт Гражданской войны, вся его суть огранена ею, там он был сотворен как лидер и без нее он себя не мыслит. Побывал на службе у всех участников азартной игры по дележке и реформированию Украины. Прислуживал гетманам и немецким оккупантам после Брестского мира. Командовал отрядом у «зеленых» – бандитов атамана Зеленцова. Повоевал у Петлюры, Махно. Одно время даже прибил к красным, но не прижился: те слишком сдерживали неудержимые порывы его души. Так и штормило его от угла к углу, пока не вбилась накрепко и бесповоротно в его башку идея о самостоятельности Украины, которой мешают жить, – и далее по списку: «комиссары, поляки, москали, жида и прочие, прочие, прочие».

Когда война затихала, не брезговал он контрабандой и бандитизмом. Сновал между Польшей, Румынией и Украиной. А в прошлом году возник в виде заступника обижаемых Советами раскулачиваемых крестьян.

Страшно ушлый и неестественно живучий. Только в этом году пару раз попадался в засаду ОГПУ и успешно уходил,

оставляя за спиной убитых соратников. Притом в последний раз, в феврале, пристрелил своего двоюродного брата, которого посчитал предателем, устроившим ему ловушку. Был страшно подозрителен и скор на расправу. И с таким кровососом мне предстояло искать общий язык. Потому как нужно. А нужда и цепи рвет.

– Сдвинулся народ с места! За правду поднялся! – неожиданно нарушил молчание Коновод, и в его голосе звучало крайнее воодушевление.

– Ну а вешать-то зачем сразу? – сказал я, припомнив ему два тела, болтающихся в петлях на площади.

– А что ты против имеешь? – подозрительно посмотрел на меня Коновод. – Краснопузых жалеешь? Так про тебя другое говорят.

– Я сначала думаю, а потом в расход. А не наоборот.

Тут неожиданно и с готовностью Коновод взъярился:

– Ты никак разлагать прибыл?! Ты за кого вообще?!

– Помочь прибыл. Не нужен, так и говори прямо. Мы себе другое занятие найдем. По душе и по совести.

Коновод глубоко вздохнул, возвращая себе самообладание. Он с трудом улыбнулся, при этом улыбка больше виделась гримасой, примирительно произнес:

– Ну не ершишь, все мы тут ершистые. Где твои люди? Или вы втроем прибыли, помощнички?

– Еще четыре десятка сабель в Даниловке. Ждут итога переговоров.

– Не густо, – разочарованно протянул Коновод.

Тут я был с ним согласен. Вспомнился последний «съезд» «Великой Украины», когда судили-рядили, какие полчища послать на помощь восставшим крестьянам. Так азартно шумели, судили и рядили, что я грешным делом думал – минимум дивизию соберут, с которой и Москву осадить недолго. А как до дела дошло, то у одного теща болеет, у другого корова не доится, у третьего вообще страшный недуг – обширное воспаление хитрости. В результате с горем пополам собрали три десятка человек, да и то в основном из тех, кто по лесам от переселения хоронился да за бандитизм разыскивался. Уверенности в них у меня не было ни на грош, хотя и попытался сколотить из них за время, пока добирались, что-то похожее на подразделение. По-настоящему рассчитывал только на свою добрую шайку. А нас десятеро. Зато каких!

– Зови их сюда, – сказал Коновод. – Разместим. Накормим. А завтра поутру все и уходим.

– Куда? – поинтересовался я. – И зачем?

– Не сидеть же здесь сиднем на одном месте. Пойдем активистов казнить да Украину на смертный бой поднимать...

Глава 4

Вторую неделю я петляю в составе бузотерского войска по лесостепям. Нигде долго не задерживаемся. Всего нас сотни две. Часть движется длинным табором по жаре, другие в конных разъездах и разведке. Разведка – это главное. Не дай бог наткнуться на силы большевиков, которые рыщут везде по нашу душу.

Украина – это бескрайние просторы. Густые леса. Обширные степи, плотно перепаханные полями и стиснутые хуторами, местечками, зимовниками, приселками, селами и городками. Вишневые сады и абрикосовые деревья. Утопающие в зелени белоснежные глиняные мазанки, деревянные домишки и редкие каменные дома, а еще стоящие в стороне от поселений мельницы, большая часть которых с началом коллективизации работала нелегально.

Крестьян здесь куда больше, чем земли, поэтому уже несколько лет Всесоюзный колонизационный фонд в массовом порядке переселяет добровольцев в различные регионы РСФСР, где щедро отмеривает наделы. Но местами здесь все еще безлюдно и безжизненно.

Щедрая, обильная и вместе с тем бестолковая земля с вечно бурлящим и булькающим, как котелок на костре, народом, выкованным турецкими, польскими и австрийскими притеснениями, отточившим характер в вечных грабежах и

набегах на соседей. Здесь безудержная лихая вольница испокон веков жила рядом с бессловесным рабством.

Эти места прекрасно подходят для хорошей бузы и хитрого маневра. Расстояния огромные, в которые не раз уложится иная крупная европейская страна. Стоит углубиться в сторону от железных дорог, как слабая транспортная связанность, отсутствие нормальных путей дают возможность месяцами шататься по окрестностям, уходя от преследования многократно превосходящего тебя противника. Чем мы и занимались. Ощущали себя как степняки тысячу лет назад, во времена хазарских набегов: конь под седлом да степной простор впереди. И идешь вперед огнем и мечом.

Схема действий у нас отработана. Заходим в населенный пункт. Сразу же пытаемся захватить органы власти и актив, если они еще не сбежали. Будоражим народ и зовем на митинг. Куда же без доброго митинга в стране, пережившей Гражданскую войну и несколько революций?

Обставлялись эти митинги с помпой. Коновод умудрился даже войсковой оркестр организовать. Правда, хиленький – всего лишь полковой барабан да две трубы. Музыканты обычно наяривали какие-то странные марши, фальшивили душераздирающе, но явно прибавляли нам солидности и уважения у простого народа. А в конце азартно и бестолково выдавали гимн недолго царствовавшей после революции в этих местах и удачно скончавшейся в корчах Украинской Народной Республики. Слова там жалостливые и грустные.

«Ще не вмерла Украина, и слава, и воля» и прочая чепухень. Иногда народ подпевал, но не особо стройно.

Коновод читал указы «Народной влады», выкрикивал громкие призывы. Звал под ружье. Правда, ружей было мало. Все же края земледельческие, а не охотничьи. Перешедшая на сторону восставших красноармейская рота, конечно, помогла с винтовками, но ее пулеметы еще до бунта были вывезены на пристрелку в дивизию, что лишило нас серьезной огневой поддержки.

Восстание текло ни шатко ни валко. В народе было больше крику, чем желания воевать. Те бунты, которые я видел до этого по всей стране, проходили как-то задорнее, с огоньком, без оглядки назад. А здесь бунтари будто что-то выгадывали, продумывали – а чего будет? Нет, так настоящие бунты не делаются. Если уж несет вперед лихая судьба, так на всех парах, как разогнавшийся паровоз, не остановишь. Да и под ружье крестьяне становиться не спешили. Кроме, конечно, очередников на раскулачивание, потенциальных жертв ОГПУ и никчемных деревенских бездельников, которым всегда лучше воевать и мародерить, чем сеять и пахать.

Были места, где нас принимали мрачно, недоброжелательно, подчиняясь лишь грубой военной силе, а иногда даже оказывая сопротивление. В других мы были как родные, которых ждали давно и безнадежно. Там на митинге царил восторженный гвалт, который переходил в безоговорочную под-

держку народного защитника Коновода и в обструкцию колхозов. На этой чувственной волне приходило время сведения счетов с «пособниками большевиков», в которые селяне обычно записывали своих давних недругов-соседей вне зависимости от их политических воззрений.

И обязательный пункт программы – грабеж колхозных запасов. Наиболее ценные вещи и денежные средства Коновод реквизирует на «боротьбу за ридну нэньку Украину». Так что всяким барахлом пополнялся наш и так уже непозволительно длинный и жирный обоз.

Этот самый обоз сковывал темп продвижения и подставлял нас под угрозу. Коновод понимал это, но поделаться ни с собой, ни со своими архаровцами ничего не мог. Подводы с награбленным добром – куда же без этого? Банда не поймет. Была вполне реальная возможность, что все его войско, начини его ограничивать в праве пограбить, просто разбежится. Грабеж – это святое.

Конечно, самой зажигательной частью этого концерта, по идее, должна была становиться расправа над проклятыми большевиками, то есть над активом, учителями, колхозниками. Но те, не будь дураками, при подходе нашей ватаги предпочитали скрываться, хорониться в лесах и не отвечивать. Так что пока, кроме той виселицы, которую я увидел по прибытии в войско, никаких казней не было. Правда, пристрелили несколько человек, пытавшихся встретить нас огнем. Но это военные перипетии. Зато пороли нещадно по указа-

нию Коновода всех тех, кто помогал «нехристям», отправляя детей в советские школы и послушно идя в колхозы.

Вечером в штабной хате в очередном сельце, пребывая в тягостных раздумьях, Коновод был мрачен. Он молчал, глядя куда-то перед собой. Потом отхлебнул из фляжки коньяка – эта волшебная жидкость там никогда не переводилась. Ударил ладонью по столу:

– Уплывают окуни красноперые от народного гнева! Хоронятся тли колхозные! Даже повесить некого!

– Да зачем тебе кого вешать, Коновод? – поинтересовался я.

– Ты не понимаешь, молод еще. Хорошая буза должна быть обильно смазана кровью врага.

– Знакомое дело, – кивнул я. – У уголовников принято друг друга кровью вязать.

– Так у всех принято!

А потом впереди замаячило село Вахановка. Тут Коновод изменил своей обычной неторопливой тактике подхода и захвата безоружных населенных пунктов. Конники осторожно пробрались под утро, перекрыли все выходы из села. В нашей ватаге были люди оттуда – скрывшиеся от переселения семьи кулаков. Так что где и кого вязать – расписали в подробностях и с видимым удовольствием. Потому всех сельских «большевичков» взяли тепленькими.

Улов был знатный. Человек пятнадцать набили в просторный деревянный дом, бывший раньше лабазом, а теперь за-

готконторой. И приставили охрану в пару бойцов, чтобы кто не убежал.

Коновод просто сиял, как начищенная медная пряжка. Наконец-то появилась возможность вожделенного щедрого жертвоприношения на алтарь Свободной Украины...

Глава 5

Хозяева богатого кулацкого имения были недавно решением районной особой комиссии по раскулачиванию выселены в Центральное Нечерноземье. Потом здесь недолго была сельская школа, о чем напоминал глобус на полке. Теперь здесь располагался штаб. Несколько столов были составлены вместе. И в центре возвышался в тяжелом кресле Коновод, лучась величием.

Штаб состоял из нескольких «ближников» Коновода. Предводитель всегда напирал на то, что это не просто сборище бунтовщиков, а будущее правительство. Так что себя в кулуарных разговорах он требовал именовать директором, а своих подручных называл не иначе как «министры». Притом не в шутку, а на полном серьезе.

Ну что тут скажешь. Имелась у него мания величия. Впрочем, это нормально. Такое профессиональное заболевание часто встречается у пламенных предводителей смут и мятежей, они постепенно начинают себя считать центром мироздания и страшно обижаются, когда это самое мироздание оборачивается к ним холодной кирпичной стеночкой и подает голос приказом командира расстрельной команды: «Пли!»

Сейчас в штабе обсуждали, что делать с задержанными активистами.

– Вешать будем, – растянул губы в мечтательной улыбке Коновод.

– А как? Всех зараз или поодиночке? – лениво осведомился «ближник» по кличке Сердюк – добродушный с виду, нагулявший жирку, с хитрыми свинячьими глазенками. Был он когда-то офицером контрразведки в Войске Донском у атamana Краснова и прославился еще тогда свирепой жестокостью, которую не собирался умирять и сейчас. Его определили в «министры внутренних дел». Он отвечал в шайке за разведку, контрразведку и поддержание войскового порядка, а также за расправы. Работал с энтузиазмом, любил свое дело.

– Всех. Разом. Чтобы по мозгам селянину ударить. Чтобы знали, чего их свобода стоит! – раззадоривал себя Коновод.

– Это чего, как водицу кровь лить? Без разбирательства? Не по-божески так, – заворчал Батько, правая рука Коновода, которого он именовал не иначе как «первый министр». Это был классический малоросс, напоминавший гоголевского пана Голову. Огромный, пузатый, усатый, при любой возможности становившийся жутко ленивым старый вояка. Рассудительный, в меру набожный, спокойный, упрямый, без свирепости, а порой и добродушный. Однако если его вывести из себя – прячьтесь по щелям, достанется и правым, и виноватым. Его уважали и побаивались все. И в глазах у Коновода при взгляде на него часто вспыхивало ревностное чувство и угроза. Может статься, что и не уживутся два мед-

ведя в одной берлоге. Только мне до того дела нет.

В помещении повисла тишина, и Коновод угрюмо вперился взором в Батько. Ну что, поддержим гуманиста?

– Вешать? – спросил я недоуменно. – Вот так сразу петлю на шею?

– А что, предлагаешь их курочкой жареной сперва попотчевать? – зло осведомился Коновод, переключаясь на меня. – Большевистские отродья! Заслужили с лихвой!

– Да я не против справедливости и возмездия, – поспешил реабилитироваться я в глазах «общественности». – Только...

– Что «только»? – в голосе предводителя прорезались истеричные нотки.

– Народ привыкнет к произволу, Коновод. Как потом в порядок его загонишь?

– Ты о чем это?

– Да чтобы нас властью посчитали, все должно быть по закону. Суд надо чинить, хотя бы видимость его. А для этого орган нужен. Судьи. Обвинение. Процедура. И только тогда вешать...

– Чего? – непонимающе воззрился на меня Коновод. – Какой к лешему суд?!

– Что тебя так удивляет? Разбирательство по всем правилам. Заодно и соучастников эти смертнички сдадут. Так что по-любому отольются медведю коровьи слезы. И народ нас зауважает. Кстати, можно не всех в ноль вывести. Кого-то сподручнее в качестве заложника использовать, если с боль-

шевиками вдруг торг затеется.

– А Указчик дело говорит, – поддакнул Батько. – Народ, если распухнет от вседозволенности, потом в стойло не поставишь. Так и нас на вилы поднимут, если правил не станет. Люди должны видеть, что рука у нас крепкая, но праведная.

Коновод поморщился. Откинулся на спинке кресла. И государственно задумался. Все это время сохранялось благоговейное молчание. Главный – «в мыслях», не приведи господи ему в такой торжественный миг помешать.

Потом он нехотя произнес, обращаясь ко мне:

– Прав ты, Указчик. Где только такого набрался? Молод же еще.

– Рано учить начали, – усмехнулся я.

– Будет национальный трибунал! Только им не понравится. Когда просто на виселицу, у народа прощение можно вымолить, глядишь, сердобольные найдутся. А уж если бумага будет – против нее не пойдешь! – Коновод взбодрился, прикидывая, какие выгоды можно извлечь из новой постановки вопроса.

После этого заключенным сообщили, что власть украинская добра. Крови не жаждет. И будет судить их по закону. А чтобы кота за хвост не тянуть и брожение лишнее не вызывать, то утром и приступят.

Поскольку трибунал должен был быть народным, то следовало в него включить и судей из народа. В «народ» вошел беглый кулак, вернувшийся домой с нашей ватагой, и еще

парочка наиболее ярых да обиженных властью.

Темнело быстро. Я проверил своих бойцов, прежде всего их наличие и несение службы. Дезертирств не случилось, все были на месте, даже не сильно пьяные. Оставшись довольным, я отправился спать.

Моей личной шайке выделили просторную хату. Но для десятерых там все равно было тесно и душно. Да и сон никак не желал посетить меня и подарить хоть немножко сладкого забытья. Грудь тоскливо сжимало.

Я осторожно, чтобы не разбудить соратников, выбрался на улицу и оперся о плетень. Смотрел на круглую луну, волшебной серебрящую все вокруг. Колдовство этого света приходило в вопиющее противоречие с грубым и жестоким окружающим миром.

Вскоре рядом со мной пристроился Петлюровец. Он щегольски задымил папиросой «Крестьянка», которые у него никогда не переводились. И тоже молча всматривался в тихую украинскую ночь, заворуженно глазел на луну. У спутника Земли вообще есть такое свойство – завораживать, притягивать и пугать. Недаром волки воют именно на луну.

– Слушай, Борис Александрович, – задумчиво произнес я. – А может, там, на Луне, обитают такие же люди, как мы. Только живут без войн и потрясений.

– Без войн и потрясений, – протянул Петлюровец. – Ну, значит, это не люди.

– И правда, – кивнул я. – Да и как там выжить? Там нет

воздуха. А без воздуха никуда.

Да, без воздуха никуда. Его мне сейчас и не хватает. Как будто сперло все, стиснуло грудь.

Вот я люблюсь на пейзаж. А совсем рядом полтора десятка человек ждут неминуемой жестокой смерти, пусть и обставленной под суд. На меня явственно повеяло гнилым запахом Гражданской войны, голодом, болезнью и смертью. Опять жизнь человеческая не стоит ничего и одним словом посылаются на смерть люди, одним жестом руки дают отмашку на возведение виселиц и расстрелов. Как же мне тесно и душно! И как же тоскливо от невозможности ничего изменить! Ведь все должно идти своим чередом. И прийти к закономерному финалу...

Глава 6

Утро началось со стрельбы и истошных криков во всю ивановскую – так обычно вопят раненные или ужаленные. Что там? Неужели нас настигли части ОГПУ? Ну тогда сейчас начнется знатная мясорубка. И стоит пошевеливаться, если хочу выжить и вывести своих людей без потерь.

Я вскочил. Оделся наспех. Схватил оружие. И мы с Петлюровцем ринулись в центр событий.

Фокус страстей располагался на сельской околице, где под замком ждали своей участи активисты. Палили там не в кого-то целенаправленно, а в воздух. Орали от избытка чувств. Больше всех метался взбешенный Коновод, грозил окружающим страшными карами, обещал без разбора поставить к стенке по принципу «На кого бог пошлет».

– Что стряслось? – спросил я у Батько.

– Так активисты ночью утекли, – негромко произнес «первый министр», опасливо оглядываясь на Коновода. По-моему, его больше волновали вовсе не беглецы, а не совсем вменяемое состояние главаря.

– Все? – удивился я.

– До единого. Как в аптеке – утекли до капли – Батько хохотнул.

– Как это? – не понял я. – А охрана?

– Так порезали балбесов. Аккуратно так нанизали на но-

жик, как черкес мясо на шампур.

– Как порезали? Большевичков что, даже не обыскали? – возмутился я.

– Да обыскали. То не они. То им с воли подмогли. Сами бы никогда не освободились.

– Погоню послали? – деловито осведомился я.

– Послали. А толку? Они места лучше знают. Вон если в шахты нырнут, то там никто не найдет.

– Да уж, – согласился я.

Про шахты я знал не понаслышке. Пришлось одно время поплутать по ним всласть, по заброшенным и аварийным. Врагу не пожелаешь такого счастья.

Шум и стрельба еще немножко продержались. Равно как и бессистемная дурная суета, когда все бегает не для результата, а исключительно движения ради, потому как надо демонстрировать воодушевление, иначе сам становишься подозрительным.

Через час все окончательно уgomонилось. А меня попросили явиться в штаб. Там собрались «ближники» с Коноводом. Обсуждали, понятное дело, дерзкий побег приготовленных на заклание агнцев.

– Кто ж им пособил? – Коновод угрюмо и подозрительно обводил взором собравшихся. – Эх, предательская душонка затаилась где-то рядом... Ну, «министры», кто актив в степь выпустил?

И он почему-то уперся глазами в меня.

– Не я, – мне оставалось лишь усмехнуться.

Заработал в ответ яростный взор. Потом Коновод начал толкать речь, торжественно, пафосно и зло:

– Иуда за каждым углом. Может, и ты. А может, он на место мое прицелился и думает, как мне пулю в спину вогнать!

Батько, в которого он ткнул пальцем, изумился искренне, но без опаски:

– Ты чего это, директор?

Но Коновод лишь махнул рукой и проскрипел:

– Доверять могу только самому себе. Больше никому.

– Ну, тогда и тебе не будут доверять, – вставил я свое слово, не намереваясь и дальше подыгрывать главарию. – А в наших делах доверие – главное.

– Слишком уж ты образованный, как я погляжу, – протянул Коновод.

– Скорее начитанный, – улыбнулся я. – Из учительской семьи.

– Ну если образованный, вот и объясни, как же нас так опозорили принародно?

– Виной всему анархия. Как у батьки Махно, – заявил я.

Действительно, войско жило по своему разумению, комендантов не шибко слушало, творило что хотело. Караульная служба в убитом состоянии. Квалифицированные диверсанты могли бы легко вырезать всех.

– Ты Махно не трожь! – взвился Коновод. – У него порядок был! Да еще какой...

Лицо его передернулось. Видимо, досталось ему на орехи в период службы у легендарного крестьянского вождя.

Коновод тяжелый разговор прекращать не намеревался. Сыпать соль на раны себе и другим доставляло ему противоестественное удовольствие. Но это истязание прервал измотанный гонец. Рука его была перевязана наспех, на ней проступали пятна крови.

– В Дмитровке войска ОГПУ! – крикнул он, держась за израненное предплечье. Он еле стоял на ногах, доскакал только на воле и упрямстве. – Наших всех перебили! Завтра здесь будут!

Коновод вскочил, больше не обращая внимания на гонца, крикнул:

– Поднимаем людей! Уходим!

Где-то через пару часов вся ватага, кто пьяный, кто голодный и злой, а кто из-под теплого бабского бока, собралась в подобие колонны. Пешие и конные, вместе с обозом, наши бойцы потянулись по главной улице села.

Тут начала собираться и вскипать людская толпа. До селян дошло, что их бросают. А на подходе Красная армия.

– На кого ж нас, сирых, оставляете?! – слышались возбужденные крики.

– Мужики пушай с нами идут! – кричал в ответ своим громовым голосом Батько. – А бабы – бегите!

– Ты ж защищать обещал! – заголосила пышнотелая босая баба. Видимо, сорвалась она с работы по двору, потому что

сжимала вилы, притом выглядело это угрожающе.

Тут встрял Коновод, крикнув звонко и азартно, как в свои лучшие моменты вдохновения, когда он приковывал к себе внимание толпы своей энергией и убежденностью:

– Так защищать всю Украину надо! А ты хочешь, чтобы тебя одну защищали? Ну так приходи на зорьке – защищу!

По толпе прокатился смешок. Напряжение разрядилось, но ненадолго. Опять понеслись возмущенные крики. Толпа стала напирать и все норовила перекрыть дорогу ватаге, уходящей на степной простор. Ну все у нас прямо по пословице: наступали с боем, отступали с воём.

– Не выпустим! Будете нас защищать, коль обещали!

– А то как колхоз грабить – так сами! А как ответ держать – так мы!

– Не выпустим!

– А ну назад, супостаты! – заорал визгливо и вместе с тем страшно Коновод.

– Да ты на голос не бери!

– Назад! – Коновод обернулся и сделал знак своей личной охране.

Почти одновременно жахнули три винтовки. Стреляли в воздух, но ни у кого не было сомнений, что следующий залп будет по крестьянам.

Толпа тут же сильно поредела. Но не рассосалась полностью. Вслед несло:

– Ироды! Иуды!

Под такое звуковое сопровождение мы ушли. Нам плевали вслед те, кто еще недавно боготворил...

Глава 7

На своем резвом, красивом смолянисто-черном скакуне Коновод сидел лихо. В отличие, кстати, от меня, не шибко дружившего с нашими четвероногими помощниками. Мою увесистую тушу лошади таскали всегда с физическим напряжением и с видимым презрением. А мне перед животинами было неудобно, что я такой большой и тяжелый и они вполне могли бы найти седока покомпактнее.

Ну никогда не умел я ладить с ними, даже во время пребывания в Красной армии, хотя там без конной тяги никуда. Невольно рассматривал какого-нибудь коня как равноправную личность с правом голоса, то есть ржания. И те, гады такие, чувствовали это и громоздились тут же на мою шею, свесив копыта. Одно слово – животные. В общении с ними нужно быть хозяином, а не приятелем, а с этим у меня всегда плохо. Нет во мне рабовладельческой жилки.

Коновод с некоторым пренебрежением посматривал на мои мучения. Умелый всадник почему-то всегда считает неумелого каким-то недочеловеком и ошибкой природы. А главарь этого отношения даже не скрывал, только радостно лыбился, когда я выглядел особенно неуклюже и потешно.

Но под мерный цокот копыт постепенно потек между нами если не задушевный, то относительно мирный разговор за превратности жизни и за человеческую поганую природу.

В пути без доброго разговора скучно. Чем длиннее язык, тем короче дорога.

На Коновода произвело достаточно сильное впечатление столкновение с селянами в Вахановке. И он все никак не мог успокоиться.

– Крестьяне! Презренное племя. Скоры на расправу, а потом боятся, что им достанется за это на орехи. Чуют, что ГПУ их не пожалеет.

– Ну если посмотреть непредвзято, то они где-то правы. Бросили же мы их!

Коновод покосился на меня:

– Опять сообразительным умом форсишь? Так я поумнее буду. Запомни. Мы большое дело делаем. Мы важны. А они мелочь. Растопчут таких и не заметят. Как муравья в муравейнике. И ничего не изменится.

Я лишь кивнул, не вдаваясь в спор. Личное общение давало мне возможность оценить Коновода по достоинству так, чтобы лишний раз не встречать с ним в опасные диспуты. Передо мной был опасный, не терпящий иного мнения, резкий, заводной, необузданный, заражающий своей энергией прирожденный лидер, способный привести стадо баранов на скотобойню. И он не успокоится никогда.

Между тем наш крестовый поход против советской власти выглядел все более странно. Мы все так же заходили в села и станицы. Под бесстыдно фальшивящий оркестр собирали народ. Коновод с каждым разом все более вяло, без былого

огонька, призывал брать власть в свои руки и гнать большевиков. Мы даже не пытались собрать оружие, провести мобилизацию добровольцев. Зато активно призывали к растаскиванию колхозного имущества, притом сами забирали самое ценное, если оно было, «на нужды Вильны Украины» и тут же сваливали в туман.

Пыль столбом, оседающая на одежде и скрипящая на зубах. Гнущийся под ветром ковыль. Поля и сады. Все будто застыло во времени, как живописная картина на стене, и только мы движемся упорно через нее, из точки «А» в точку «Б», а потом и в «В».

Шли каким-то цыганским табором. Все это больше походило не на благородное народное восстание, а на пиратский рейд. Можно было подумать, что наша цель – пограбить власть, а потом уйти за кордон, в Польшу или, на худой конец, в Румынию. Но, по большому счету, награбленное нами в нищих селах – это курам на смех. Это вам не взятый на abordаж испанский галеон с грузом золота. Вместо золота немножко советских дензнаков и какое-то бытовое барахло, с которыми практичные и жадные «воины-захисники» никак не желали расставаться.

Так и плели походные кружева. В них была какая-то система, которую я пока не мог понять. А если понять, то станут ясны и замыслы Коновода.

Постепенно наша извилистая дорожка становилась все уже. Со всех сторон нас обкладывали флажками, как вол-

ков. И только бескрайние просторы, отдаленность железных дорог и крупных трактов да отсутствие нормальной связи и разведки у противника позволяли нам двигаться вперед без серьезных столкновений. Ведь по-настоящему серьезный бой наше не слишком многочисленное войско вряд ли выдержит. Две сотни человек, один пулемет и недостаток патронов. Эх, об этом даже думать не хотелось.

Дни шелкали. Неожиданно неестественно похолодало, и ночью стало так зябко, что приходилось жечь костры. Потом богато пролился давно уже забытый дождь.

– Значит, жарить будет скоро, – со знанием метеорологического дела оценил я.

– Как бы нас самих не зажарили, – Батько, уныло смотрящий на залитые дождем уголья костра, нахмурился.

– Иван Иванович, вот скажи, как на духу. Куда мы ломимся? Зачем? Раскрой стратегический замысел, будь добр.

– А, – только махнул рукой Батько. – У Коновода спроси.

– Он расскажет?

– Как же! Жди!

– Почему так?

– Потому что есть кто и повыше, кто за рассказы рассказывалку вырывает.

А вот это интересно. Но не время пока продолжать эту беседу. И я перевел тему...

Между тем наше воинство постепенно, но неуклонно разлагалось. В первое время, на гордости от роли защитников

свободы родного края, еще удавалось как-то держать всех в руках. Но любое такое мятежное формирование, лишенное ясной цели, сурового командования, без казней дезертиров и мародеров, неизменно превращается в дикую орду с сопутствующими бесчинствами, грабежами и насилием. Это лишь вопрос времени.

Коновод даже не пытался поддерживать должный порядок. Его все устраивало. А всплески его непредсказуемой и неконтролируемой ярости позволяли в случае необходимости обуздать войско. Его боялись и старались лишний раз не злить.

Моя шайка на этом фоне выгодно отличалась дисциплинированностью, целесообразностью и ощущением границ дозволенного. Примкнувшие ко мне «захисники», которых я привел с собой, конечно, не являлись образцом благочестия и организованности. Но поскольку формально я за них отвечал, то принялся наводить и там хотя бы оттенок порядка. Пришлось начистить пару особенно наглых морд, что мне труда не составило. А одному беглому кулаку даже прострелил плечо, когда он потянулся к обреза. Мои усилия окупились относительным порядком и даже зачатками дисциплины. Зачем мне так нужен был этот самый порядок? Да потому, что, когда все посыплется, именно он даст возможность уйти с минимальными потерями.

Наш «табор» встал на постой в очередном сельце. Мы теперь уже даже не старались заискивать с мирным населением.

ем. Вели себя как завоеватели. Самые охочие до баб тут же ломанулась в хаты к молодкам. Самые жадные азартно занялись грабежом. Поднялся шум-гам.

Тут наконец очнулся Коновод и вспомнил, что он командир, а не тварь дрожащая. Устроил нервный и жестокий разгон всем – без особого учета вины и обстоятельств. Назначенные в виноватые тут же были принародно пороты, а заодно и те, кто стоял неподалеку. Потом, оглядевшись внимательно, от избытка чувств он перепорол чуть ли не половину сельца, которая не слишком рада была пришествию «освободителей». Наведя таким образом справедливость, предводитель удалился в свое расположение – единственный каменный двухэтажный дом, оставив все течь своим чередом.

Ну и потекло все по проложенному руслу. Вечером слышались со всего села крики. Прозвучало несколько выстрелов. Женские визги, мужская ругань. Опять чудо-богатыри напились, передрались и щупали девок. Вольная воля.

– Вон она, Вильна Украина во всей красе, – презрительно процедил Петлюровец...

Глава 8

Наконец произошло то, чего я так боялся и что было неизбежно, как восход солнца. Моя героическая шайка схлестнулась с трусливыми архаровцами.

Конечно, конфликт был совершенно нам не нужен, рискован, создавал множество проблем. Но только Петлюровец, бывший царский офицер, с его представлениями о чести и границах дозволенного, однажды не выдержал. И я его не виню. Потому как где честь, там и правда.

Началось с того, что пьяная и разудалая толпа архаровцев, твердо решивших и дальше изживать из себя все человеческое в пользу похотливого животного, под предводительством одного из «ближников» Коновода с примечательной фамилией Сухозад пошла показательно разорять «большевистское гнездо», на деле просто справное хозяйство. И вскоре избитый хозяин лежал на дощатом полу своей хаты, пытаясь встать и снова распластываясь от пинков. «Захисники Украины» между тем шарили по сундукам и скребли по сусекам. А трое, среди которых был тот самый «ближник-министр», тащили дочку хозяев в сторону сеновала – от доброты душевной щедро одарять мужской лаской.

Жена хозяина, трепыхаясь в мозолистых руках налетчика, в музыкальном сопровождении кудахтанья домашней птицы, похрюкивания свиньи и причитаний окружающих соли-

ровала в этом разноголосом хоре:

– Разбойники бисовы! Ей всего тринадцать!

Вот этот крик женщины и разбудил в душе Петлюровца беспокойно дремлющую честь. Он махнул рукой своим подчиненным. И вскоре снял с девочки разгоряченного Сухозада. Двинул ему с чувством и расстановкой в зубы, выбив один, – силы у моего ближайшего помощника хватало на троих, даром что худой и заморенный по виду.

Потом пронесся над селом крик:

– Наших бьют!

Понабежали еще архаровцы. Ну и я в стороне не остался, кинул клич и теперь отдавал приказы – короткие и очень серьезные, готовясь к нешуточному бою.

Мои ребята сгруппировались, заняв выгодные позиции на случай, если поднимется стрельба. Жалко, что нас собралось маловато, а антагонистов как рыбы в пруду – так и водят хвостами и загребают плавниками. Только, в отличие от немых рыб, орут так, что уши вянут.

Дело шло к добрым пострелушкам. А тут и станичный народ подтянулся. Собралась толпа. И вот уже крики звучат:

– Такие вот защитники!

– Девоч наших насильничают!

– Воры они!

Народ волновался все больше. И толпа все росла. У некоторых селян уже колья и вилы в руках, а в глазах к «освободителям» никакого сочувствия и понимания.

Дело начинало пахнуть керосином. И тут на сцене возник Коновод. Чего от него не отнимешь – это умения сразу протекать ситуацию и принимать эффективные решения.

– Свиньи пьяные, а не воины! – с этими словами со всей дури ударил ногой в живот своего покачивающегося, с разбитой мордой «ближника». Тот крякнул, осел на землю и обиженно заскулил.

А Коновод заорал что есть силы:

– Скоты! Против народа? Грабить, насильничать?! В острог их! Народный трибунал завтра решит, как со злодеями поступить! Накажем по всей строгости!

Все же Сухозад был туп. Завтра «освободителей» уже не будет в этом селе. И его с другими нарушителями тихо освободят из острога, надавав по шее для науки. И все будет как раньше. Но у этого барана при слове трибунал что-то переключилось в голове. Он поднялся на ноги и отчаянно завопил:

– Трибунал? Судить? Нас? Кто за свободу и волю?! А кто судить будет? Ты, что ли, Коновод?!

Ему бы остановиться вовремя, но его несло вперед могучим ураганом страха и злобы. Мутным взором он обвел толпу и заорал:

– Казаки! Кого слушаете? Не того слушаете! Вы ж ничего не знаете. Он же. Он... Все скажу народу... Как на духу!

Но сказать он ничего не успел. Коновод вскинул руку, в которой был зажат его любимый наган. Хлестко рубанул по ушам выстрел. Потом еще один.

Сухозад тяжело рухнул на землю. А Коновод повернулся к толпе. В воздухе повисло напряженное молчание. Очень уж страшен был вид предводителя, только что прикончившего на глазах у всех одного из своих близких соратников.

– Так будет со всеми, кто против народа! – заорал он. – Суд наш не только строг и неотвратим. Но и скор! Убрать!

Тело оттащили в сторону. Других провинившихся погнали в острог. А мне было сильно любопытно, что же за обжигающую правду о своем атамане хотел довести до широких народных масс «ближник». Наверное, нечто весьма неординарное, если пулей рот заткнули.

Коновод, угрюмо посмотрев на меня, кинул:

– Пошли со мной, Указчик.

Ну, пошли так пошли.

В штабе Коновод разогнал всех бездельников. Мы остались вдвоем. Он потянулся к фляге, сделал глоток – как мне показалось, больше, чем обычно. Потом глянул на меня испытующе и спросил:

– Бузишь?

– Порядок навожу, потому что больше некому. Ты вообще в руках будешь свою банду держать? – поинтересовался я.

– Не каждого в руках удержишь. Ну побаловались бы с девкой. От нее бы не ubyло. А тут защитнички нашлись. И народ, видя такое, подтянулся. Народу только дай погорлопанить... Знаешь, как это называется? Смута и разлад в войске.

– Смута, когда станичники малолетних насилуют. Не дать укорот скотам, так потом уже не удержишь их в руках.

– Хитрый ты чересчур, как я посмотрю, Указчик.

– Э, нет, я весь как на ладони, Коновод.

– Что-то в сомнениях я. Одному черту болотному известно, что у тебя на уме. А народец твой уже на моих людей начал стволы поднимать.

– Не нагнетай. Нет такого.

Коновод помолчал. Потом внимательно посмотрел на меня. И почти спокойным голосом, который был как крышка, прикрывающая кипящий котел чувств, отчеканил:

– Вот тебе мое слово. Ты на меня волну с пенным гребнем не гони, Указчик. И поперек мне не становись. Ты человек пришлый. Никто не заплачет, если тебя за предательство в расход принародно пустят.

– И кого же я предаю?!

– Меня! – стукнул ладонью по столу Коновод. – А значит, украинский народ!

– Коновод, ты сильно-то не дури, – усмехнулся я. – Мои за меня как один встанут. Стройно и умело. А в своих ты уверен?

Коновод в ответ обдал таким взором, смешанным с яростью и отчаяньем, что я понял: угодил в болевую точку. Он не только не уверен в своем войске, но убежден, что даже «ближники» сдадут его при первом шухере, разбегутся, в спину стрелянут. И хладный труп неожиданно взбрыкнув-

шего «министра» иллюстрировал это. Они неорганизованный сброд. А моя проверенная в горячих делах шайка способна уконтропупить их вне зависимости от численного превосходства.

– Коновод, ну что ты как маленький, право? – примирительно произнес я. – Нам делить нечего. Это твоя гастроль. Вот и свисти тут в самую главную дудку. А я пока за тобой иду.

– Лады, – хрипло произнес Коновод...

Глава 9

Коновод с его выдающимся, на грани сумасшествия, само-мнением строго делил окружающих на несколько категорий. Это начальство, те, кто выше его по статусу и имеет право приказывать. Как он с ним себя вел, я не видел, поскольку начальства на горизонте не наблюдалось, но, полагаю, великолепно. Были еще подчиненные, те, кто ниже, то есть не равня. С ними он держал себя как барин с холопами. Ведь это так, прислуга, наорать, пинка отвесить для поднятия духа – самое оно. Есть еще «освобождаемый» народ. Он как муха: жужжит, вечно чего-то требует, но с этим роем порой приходится считаться, ибо он кормовая и мобилизационная база. Есть плюс к этому враги – ну, с этими все ясно, им и жить незачем.

Встречались еще редкие звери – те, кого он считал равными по положению. Вот с такими сложно. Меня он нехотя, с зубовным скрежетом, относил именно к ним. Его мучительно задевало мое независимое положение. Думаю, ему не раз хотелось всадить мне пулю в спину или объявить, что наши пути расходятся, но позволить себе этого не мог. Потому что мои бойцы были самой организованной военной опорой, в отличие от остального сброда, которому веры нет.

Было еще одно обстоятельство. Иметь рядом почти равного тебе – это возможность отдохнуть нервами, поговорить по

душам, иногда даже о сокровенном, пожаловаться на жизнь или покрасоваться. Не с холопами же откровенничать!

Со временем он вытягивал меня на такие беседы все чаще, порой даже настырно навязываясь на общение. Это было познавательно. Постепенно передо мной разворачивалась причудливая картина его мироощущения.

Вот и сейчас был такой момент. Я пригрелся на бережку идеально круглого, будто втулка в металле, озера рядом с «освобожденным» от большевистского ига селом Нижние Озера. И наблюдал с интересом, как Коновод купает и чистит своего вороного коня, зайдя по пояс в воду. Получалось у него это на редкость ловко и с душой, даже азартно. Он обнимал свою животину, что-то нашептывал ласково, а та, казалось, отвечает тем же. Да, нередко увидишь у этого человека теплоту в глазах и радость от жизни.

Заодно я присматривался к его обнаженной фигуре. Хотя Коновод ростом и не задался, был худощав, но весь свит из жил и рельефных мышц. Я такую породу знаю. Обычно эти люди обладают незаурядной физической силой. Схлестнись мы с ним врукопашную, пришлось бы повозиться. Конечно, я задавил бы его, потому что он, как говорится, сильный, но легкий. Однако его физическая форма все же внушала уважение и опасение.

Закончив с конем и стреножив его, Коновод пристроился рядом со мной на песочке, около линии прибрежного кустарника. Настрой у него сегодня был на редкость благодушный.

— Эх, кем бы мне хотелось родиться, так это конем, — мечтательно протянул он.

— Ну хоть не лошадей, — хмыкнул я.

— Смеешься? — беззлобно произнес Коновод. — А зря смеешься. Конь — это благородство! А человек... А что человек. Так, слякоть.

— То есть мы воюем ради слякоти?

— Мы воюем, чтобы иметь свою лужу со своей слякотью...

В Нижних Озерах мы задержались на несколько дней, что шло вразрез с нашей отлаженной тактикой постоянного бега с препятствиями. Казалось, Коновод что-то там ждал. И мы сильно рисковали.

Пребывание на одном месте было чревато не только тем, что нас нащупают гонящиеся за нами по всей степи враги. В ходе пребывания на одном месте войско начинало усиленно разлагаться. Если учитывать, насколько богато мы за этот рейд разжились горилкой, самогонкой и прочими спиртосодержащими напитками, сдержат повальную пьянку было выше человеческих сил. Народ расслаблялся, пил, искал женского общества. И, что куда хуже, оглядывался окрест себя, изумлялся, как его занесло сюда, к черту на рога, и зачем ему это нужно. И начинал разбегаться. А некоторые, пригревшиеся под теплым женским бочком, уже подумывали, чтобы остаться здесь на веки вечные.

Между тем худшие опасения начинали оправдываться. Наш конный разъезд столкнулся с разведкой красных и во-

время сделал ноги. Понятно, что тут вскоре будут основные части, и по логике нужно было срочно сниматься. Дело считанных дней, когда нас вычислят и ловчие выдвинутся по нашу душу. А в способности нашей шараги дать полноценный отпор я сильно сомневался.

Эти опасения обсуждались взбудораженными «ближниками» на штабном совете, как обычно щедро сдабриваемом жратвой и выпивкой. Так сытно и обильно я в жизни не питался. Если бы не вечная нервотрепка, разжирел бы, как хряк для сельхозвыставки в Нижнем Новгороде.

Мнение «ближников» было едино: надо срочно сниматься и идти на юг, поближе к Румынии.

– Будем сидеть здесь! Пока не скажу выдвигаться! – резко оборвал Коновод.

Я уже голову сломал, пытаюсь понять его наполеоновские планы. Но ясности не прибавлялось.

– Так красные рядом. Сдохнем же! – заволновался народ.

– Это еще когда будет. А кто против – сдохнет здесь и сейчас. – Рука потянулась к объемному карману кожанки, где лежали фляга и наган.

«Кабинет министров», по опыту знающий, что от командира можно ожидать что угодно, испуганно замер, прикидывая, что он вытащит: флягу или оружие. Коновод вытащил флягу и гаркнул:

– Все! Решено! Разойдись!

На следующий день в село прискакали четверо всадников

на взмысленных лошадях. Я их раньше не видел. Держались они деловито и справно, выправка военная, движения четкие и рациональные. Они выгодно отличались от остального сброда. Похоже, это и была хваленая «личная гвардия» Кововода, о которой шептались и которая использовалась им в самых горячих и темных делишках.

Они долго переговаривались с главарем в штабной хате, из которой вытеснили всех, да еще и соглядатая у входа поставили, чтобы никто не подслушал. Эх, иметь бы уши метра полтора да слышать, о чем там ведут беседу. Думаю, тогда многое стало бы понятным. Но таких ушей природа не предусмотрела, наверное, чтобы в мире оставались тайны, недоговоренности и секретики и он был бы запутаннее.

После этого совещания лагерь забурился – завтра выступаем! Человеческая масса задвигалась, начала собираться и протрезвляться. Десятники пытались вернуть свое воинство в боеспособное или хотя бы транспортабельное состояние. А я, пребывая в отдельной хате, выделенной мне от доброты душевной, все страдал вопросами без ответов: что происходит и какие вести привезли «гвардейцы»?

Как стемнело, Одессит, вечно расположенный как к кипишу и войне, так и к отдыху, заснул крепким невинным сном. А Петлюровца где-то черти носили. Куда подевался – непонятно. Я уже начал беспокоиться: а вдруг подстерегли враги, которых он нажил здесь?

Уже собрался идти искать его, а потом по ходу поднимать

своих, но он заявился сам.

Я был раздражен и весь в негодовании – мол, где тебя черти носят? Где мой заслуженный отдых перед завтрашним тяжелым днем? А мой ближайший помощник, наоборот, был умиротворен и пьян. Хорошо так пьян. Но на ногах держался.

– По бабам шатаешься? – осведомился я недобро.

– Как вы можете, сударь? По б-б-бабам. Я же офицер.

– Офицер, – хмыкнул я. – Ну тогда по дамам.

Раздражение схлынуло. Вспомнилась старая красноармейская прибаутка. Царский офицер слегка пьян и выбрит до синевы, а красный командир слегка выбрит и пьян до синевы. За этот анекдот комиссары и наподдать могли, но он был живуч. Да и доля истины в нем была.

– Другое дело, – икнул Петлюровец.

– Борис Александрович, тебе не кажется, что сейчас не время для увеселений?

– Боевого товарища встретил. В моем эскадроне был. Знатный рубака.

– Из коноводовых «гвардейцев»? – тут же встрепенулся я, и в душе затеплилась надежда на прояснение ситуации.

– Из них. Пришлось часы подарить. От сердца оторвал, – горестно вздохнул Петлюровец.

– Эка тебя угораздило. – Я знал, что серебряные часы «Павел Буре» Петлюровец хвастливо любил. – И как, оно стоило того?

– Стоило, – вдруг строго и ясно проговорил Петлюровец.

– Что узнал? Не томи!

Петлюровец неторопливо потянулся к медному ковшику, зачерпнул из бадьи воду и сделал большой глоток. Потом умыл с фырканием лицо. И только после этого произнес уже почти трезвым голосом:

– Да бутафория все это восстание. Чтобы цель прикрыть. Малюсенькую такую. Пустяковую.

– Что за цель? – встрепенулся я.

– Э-э-э, брат...

Глава 10

Коновод схватил со стола наган, направил в мою сторону и выстрелил. Грохот ударил по барабанным перепонкам... Еще один выстрел.

В помещении терпко и дымно запахло порохом. В ушах зазвенело. Сзади что-то упало, потом звонко закапало.

Коновод со стуком бросил оружие обратно на стол и зло прикрикнул:

– Вот тварь хвостатая!

– Не переживай так, Павло Григорьевич, – заворковал встревоженный Батько. – То ж скотина неразумная!

– Да вокруг только и есть, что скоты неразумные! – Коновод обхватил руками голову, отодвинув в сторону нашу трофейную военную карту местности с грифом «Секретно». Ее подарили бунтари из красноармейской роты, и она нам сильно помогала.

Я осторожно обернулся. На столе, накрытом для нашего традиционного пиршества по завершении обсуждения громадьи планов, царил кавардак. Глиняная крынка разбита пулей, молоко капало со стола на пол. Плошка со сметаной опрокинута. Шмат домашней колбасы бесследно исчез. По полу катилась бутыль с горилкой. В общем, погром. Не страшно. Мигнем – новое притащат, награбят, если надо. Но Коновод все не успокаивался.

Объяснялось все просто. Пока мы судили-рядили военные вопросы, за нашей спиной на стол заскочил огромный полосатый кот и вцепился зубами в круг колбасы. Откуда только сил хватило – поволок его целиком. И так нервный, Коновод, завидев это святотатство, не нашел ничего лучше, чем схватиться за оружие. В кота не попал, зато хвостатый, метаясь от пуля, опрокинул все что только мог.

– Не, ну стащил колбасу! Мерзкое отродье!

Коновод ненавидел кошек. И собак тоже. Впрочем, как и людей. Только лошадей любил и прощал им все.

– Так, Петро, пиши приказ, – обернулся он к главному писарю. – В селе кошек извести ядами и огнестрельным оружием. Записал?

– Да ты чего! – изумился Батько. – Ну не зли народ. И не смей.

Коновод диковато посмотрел на него. Но дальше скандалить раздумал. Рассудительный «первый министр» оказывал на него успокаивающее воздействие, как листья валерианы.

Впрочем, ему не столько жаль было самой колбасы, сколько он имел подспудное желание сбросить страшное нервное напряжение. Что он и сделал. Так что наглый кот подвернулся очень даже кстати.

Виной его кручины было то, что обстановка на «поле боя» не внушала никакой жизнерадостности. Днище нашего освободительного движения начинало подгорать, как забытый на костре котел. А Коновод, вместо того, чтобы идти осмыслен-

ной дорогой если не к светлому будущему, то хотя бы к польской границе, упорно продолжал водить войско какими-то петлями, захватывая и оставляя никому не нужные селенья. Слава богу, пока обходилось без эпических сражений. Не считать же таковыми эпизодические перестрелки с милицией и вооруженными партийными активистами, из которых организовали конные отряды по борьбе с бандитами, то есть с нами.

Суета с кошкой закончилась, и мы снова вернулись к вопросам нашего дальнейшего существования.

– Нам к границе надо продвигаться, – спокойно, но напористо, со знанием дела произнес Батько, бывший царский фельдфебель, понюхавший пороха и на германской войне, и на всех за ней последовавших. – В крайнем случае в Польшу уйдем. Потом вернемся. И за все с процентами с коммунистов спросим.

Все понимали, что восстание захлебывается. Нас начинают прижимать. И воли нам осталось недолго, тем более что Украина никак не желала подниматься в едином порыве в священный бой за свою независимость.

– Со шляхтой вернемся? – поинтересовался я.

– Шляхта пока нам друг! – резко выдал Коновод. – Резать их придется, ибо Украина наша! Но то сильно позднее будет.

– Ну если так, – только и развел руками я на столь далекий и коварный стратегический замысел.

– Но мы туда не пойдем, – прищурился атаман. – У нас

другой план.

– Какой?

– Важный!

«Ближники» смотрели с недоумением. А я все знал и хорошо представлял, куда дело пойдет. Поэтому давно играл в свою игру. Не все же мне на Коновода спину гнуть. Есть кое-какой и у меня свой интерес. И имеются некоторые задумки, под одну из которых я отослал Одессита в известном нам направлении и теперь сильно за него переживал. Вместе с тем если кто и пройдет этот путь, то только он, со своей уркаганской лихостью, наглостью и верткостью. Ушли в разведку и затерялись еще двое моих надежных помощников. Готовил отослать с особо важным заданием еще одного, но это зависело не от меня, а от того, как наша карта ляжет.

И снова путь-дорожка. Вращалась планета, периодически и бесстрастно заходило солнце. Наш обоз, раздобревший и потяжелевший, тянулся все дальше по пыльным трактам. А Коновод все ждал известий. Они же все не приходили – ни через день, ни через два. А время сжималось. Если раньше оно лениво тянулось в такт нашему обозу, то теперь, перенасыщенные опасными событиями, щелкали часы и сутки винтовочными пулями.

Два наших конных разъезда были уничтожены в сшибках в степи. Отряд, который послали на село Збруево, развеян, вернулось только три человека. Притом основная часть во-все не пала героически в смертельном бою, а просто дезер-

тировала.

По данным разведки, на станцию Никитинская прибыл бронепоезд. Вещь даже эффективная, к нему прилагаются значительные пехотные силы. Так что в том направлении лучше не соваться. В Доргомиловск вошел полк ОГПУ, будет перекрывать дороги. Ребята ушлые, с артиллерией, кавалерией и пролетарской ненавистью. Размажут нас, если достигнут, как кашу по котелку.

Ситуация складывалась неважная. И коридор возможностей сужался все теснее. Коновод все чаще бесился и лютовал, притом без особого смысла и толка. В Снегиревке устроил расстрел мародеров. В Пушино расстрелял крестьян, которые обвиняли нас в мародерстве...

Вечерело. Солнце катилось за степной горизонт. Цокали копыта, поднимая пыль. Гнусным голосом кричала вдалеке степная птица. А на Коновода снизошел лирический настрой. После ухода из Нижних Озер он все чаще предавался досужим рассуждениям в беседах со мной. Будто пытался оправдаться.

– Ты не смотри на меня так... – он замялся и добавил: – Как на зверя лютого. Душа у меня нежная. Болит и плачет от несправедливости и горя людского. За всех болит – за наших сподвижников, за народ. Боль каждого в ней отзывается. Рвет ее на части неправильность бытия.

Он погрустнел. И даже всхлипнул как-то по-детски трогательно.

А утром приказал расстрелять захваченного в плен в атакованном нами селе милиционера. И судя по торжествующему злему выражению, с каким он смотрел на вялого от безысходности, босого, избитого человека, идущего к стенке, в этот жаркий июньский день та самая хваленая болящая душа взяла выходной, уступив свое место бесам из преисподней. Да уж, всяк добр, но не для всякого.

Хотя наговариваю я на моего боевого сподвижника. Проснулось все же в тот момент в нем доброе и вечное. Расстрелял же исключительно из гуманизма. А мог бы позорно повесить или четвертовать... Коновод – гуманист. Надо это запомнить, чтобы потом в спокойной обстановке посмеяться...

Глава 11

Нас умело и системно оттирали от густонаселенных районов. В итоге наше войско двигалось к станице Горяновская, среди лесов и холмов. Вдали уже маячили высокие горы.

Хотя в последние дни дезертирство стало приобретать массовый характер, потери в личном составе пока удавалось компенсировать прибывавшимися к нам беглыми кулаками и сорвиголовами без руля и ветрил, которые есть в каждом селе. Так что все те же две сотни штыков у нас оставались. Не для войны, но для бучи пока хватало.

На привалах, когда на небо высыпали яркие звезды и планету окутывал мягкий полог Млечного Пути, бойцы сидели вокруг костров, кто с горилочкой, а кто с печенной на углях картошкой. Неслись тогда над степью пронзительные, душевные, хотя и заунывные, украинские песни. Особенно почему-то пользовалась популярностью садистско-лирическая песня про Галю, которую подманили казаки.

«Везли, везли Галю темными лесами, привязали Галю к сосне косами.

Ой ты, Галю, Галю молодая, привязали Галю к сосне косами.

Разбрелись по лесу, собрали хвороста, подожгли сосну сверху донизу.

Ой ты, Галю, Галю молодая, подожгли сосну сверху дони-

зу.

Горит сосна, горит, горит и пылает,
Кричит Галя криком, кричит, разговаривает».

Велись неторопливые беседы, в основном какое ждет благолепное будущее всех собравшихся тут.

– Вернусь с победой, – мечтательно говорил один. – Коро-
ву у председателя сельсовета заберу. А его самого повешу. И
тестя моего повешу – он за краснопузых сильно надрывался.

– А я у нашего партийца жинку его заберу. Давно она мне
по сердцу.

– А с партийцем что?

– Ну так тоже повешу. Хату его справную заберу. Моя-то
совсем покосилась.

– Что так?

– Не до хозяйства мне было – все о народной доле неза-
видной такая печаль стискивала, что рука не поднималась
что-то делать. Рука та обрез искала... Да уж, заживем, Та-
раска, как в раю – ни кацапа тебе, ни колхоза. Все к нам, в
хату! Все наше!..

Горяновская – это не просто очередная станица, которую
мы взяли с ходу и где тут же «освободители» повесили учи-
теля и земельного чиновника из райсовета. Это еще и раз-
вилка. Здесь нам предстояло решить, куда двигаться даль-
ше. А возможностей для маневра нам оставили не слишком
много.

В сельском клубе, в просторном помещении главного за-

ла, вдоль стен которого стояли медные трубы и пузатые барабаны самодеятельного местного оркестра, состоялся очередной военный совет, на котором предстояло принять судьбоносное решение. На широком столе была разложена карта. Нужно отметить, что Коновод разбирался в ней и рисовал направления маневров вполне толково.

– Будем разделяться, – объявил Коновод. – Ты, Батько, собираешь отряд в полсотни сабель. И выдвигаешься на Разуваево.

– Чем оно тебе глянулось? – удивился тот.

– Настроения там хорошие. Свободные. Ну и шум поднять не мешает, чтобы оттянуть туда красных... Лучших посылаю. Ты своих присоединишь? – выжидательно посмотрел на меня Коновод. – Да не жмись!

– Хорошо, – задумчиво произнес я. – Треть моих людей пойдет туда. Только не погубите. У меня каждый на вес золота.

Мне это предложение было на руку. Пойдет на Разуваево Петлюровец вместе с основной частью моей личной шайки. А «прикомандированных обществом» бузотеров я возьму с собой. Пускай увидят, как оно – воевать по-настоящему. Конечно, нехорошо ослаблять свои позиции. От Коновода можно ждать что угодно, и хорошая опора была залогом моей устойчивости. Но ситуация требовала.

– Куда основные силы бросим? – спросил Батько. Мне показалось, он был доволен возможностью отколоться от табо-

ра и стать свободной птицей.

– У нас два пути. На Кленово и на Сестробабово, – показал Коновод на карте карандашом направления возможного движения.

– Так ясно же куда, – встрял я и положил ладонь на карту. – На Кленово!

– Это почему? – с подозрением посмотрел на меня Коновод.

– Тактически более выгодно. И народ там сильно зол на большевиков.

– А в Сестробабово не зол?

– Ну то я не знаю. Не был.

– Не был, а языком мелешь! На Сестробабово!

В этот момент в Коноводе всколыхнулась свирепым огнем неудержимая ярость. Та самая, которая сжигала его изнутри и толкала вперед, как уголь в паровозной топке. И та, которой он так умело зажигал массы, ведя их за собой в пропасть.

– А потом? – спросил я.

– А потом поглядим! Может, и в Польшу уйдем. Или на Беларусь! Земля большая.

– И круглая, – едва слышно добавил я...

Глава 12

Настояв на своем, то есть на походе на Сестробабово, Коновод вернул себе доброе расположение духа и терпимое отношение ко мне. Ведь, видя, что он уперся, я не стал особо возражать против его планов и признал в нем стратега и командующего. Эх, тщеславие, кого-то оно возносит наверх, но чаще губит.

Отряд выступил в путь. Мы с Коноводом спешили и шли как на прогулке, ведя коней на поводьях. И весь наш «табор» двигался лениво, потому как сегодня жара. И торопиться особо некуда – двигаемся, как говорят путейцы, по графику, к полудню подойдем к Сестробабово и лихим наскоком захватим его. По предварительным сведениям, обороняться там некому. Коммунистов там никогда не любили, а кулаков так и не вычистили. Так что был хороший шанс, что нас встретят хлебом-солью.

Послышался топот копыт. Прискакала наша разведка.

– Чисто там. Ничего пидозрилого не виявлено! – молодецки доложил разведчик.

– Дивись, – для порядка произнес Коновод. – Головою отвечаешь.

– Та хоч чубом. – Сняв фуражку, разведчик пригладил свой роскошный чуб.

Когда он поскакал дальше, Коновод пришел в еще бо-

лее умиротворенное состояние, что меня не обрадовало. Это означало, что сейчас он начнет беседу за жизнь, из тех, что давно мне поперек горла и ушей. Так и произошло.

– Эх, вышибем красных. Заживем, – мечтательно протянул он. – Плюну я на эту суету. Стану коннозаводчиком. Я это умею. Какие у меня лошади будут! Со всего мира. Но сперва порядок тут наведу, на свободной матушке Украине. Такой, чтобы ни одна паскуда не пикнула. Чтобы все строим и гимн наш новый пели.

– Какой гимн? – любопытствовал я.

– А это мы придумаем. Много всякой интеллигентской шушеры будет у нас за похлебку горбатиться. И гимн сочинят. И спляшут, и споют, и портрет мой маслом нарисуют. Когда руку тяжелую почуют, они сговорчивые становятся.

– Павло Григорьевич, ну а если серьезно? Неужели считаешь сдюжить и с кацапами, и, главное, со своими? Знаешь сколько поместных князьков в каждом уезде нарисует. Своих душить придется.

– Передушим.

– А сил хватит?

– А где не хватит, помогут, – улыбнулся мечтательно Коновод.

– Кто тебе поможет? Такие у нас края: своя рубаха всегда ближе к телу.

– Оттуда, – Коновод махнул куда-то в сторону запада. – Ты никак думаешь, вот Коновод такой наивный дурачок. Воду

замутил и пытается там рыбку поймать, не зная, что ловит ее в стакане? Плохо ты меня знаешь... Без значительной фигуры за спиной и без гарантий за такие дела не берутся.

– И велика та фигура?

– Нормальная. По-шахматному, так целый ферзь.

– О как! Даже заинтриговал!

– Дед Мороз с подарками, – засмеялся Коновод. – Этот всем князьям князь. Он порешает. И с хозяевами. И с наградами.

– Дмитрий Мороз? Эка, – с уважением протянул я.

Он был командующим боевыми структурами КСУ – «Комитета Свободной Украины», фактически его военным вождем. Его прозвали и Дедом Морозом, и Генералом Морозом, а недоброжелатели со злости прилепили кличку Снежная Баба, которая широко разошлась по советским газетам. А сам он благосклонно, но неформально, разрешал звать себя Власником Украины. Он почудил на территории республики еще в начале двадцатых годов. Тогда его воинство огнем и мечом прошло по Херсонской и другим губерниям, пока не было выдвинуто РККА на территорию Румынии. Но никуда он не делся. Копил силы, умело вовлекая в свою орбиту националистов, сечевых стрельцов, белогвардейцев и петлюровцев – всех, кого объединяет ненависть к советской власти. Именно на него делали ставку поляки в разжигании конфликта с Россией.

– Думаешь, сболтнул по дури секретное? – насмешливо

произнес Коновод. – Э, нет, Александр Сергеевич. Я тебе осознанно предлагаю меня держаться. Ты парень смысловый и авторитет у народа имеешь. В военном деле смыслишь. Вместе много дел наворотим. Украина рано или поздно будет свободной. И мы в ней будем фигурами.

– За спиной большой фигуры. Ферзя.

– Пока да. А дальше как получится...

Помолчав и задумавшись о чем-то своем, Коновод бодро продолжил:

– Только сначала кое-что сделать надо. Зарекомендовать себя. Чтобы интерес к нам пробудить, как к надежной опоре.

– Для этого наш странный поход? – усмехнулся я. – Чтобы зарекомендовать?

– Не совсем. Но близко... Сговоримся, Указчик, а прежде поторгуемся для порядку. Тогда все тебе в подробностях доведу. А пока – на Сестробоково, – картинно махнул он указующей дланью.

Добрались до цели, как и рассчитывали, к полудню. Мы с Коноводом поднялись на холм, откуда открывался вид на обширное, чистенькое и богатое смешанное польско-украинское село Сестробоково. Местность вокруг пересеченная. Ухоженные поля, массив леса. Холмы и овраги. Не слишком удобно для наступления. Но наступать не на кого. Предстоит просто зайти в населенный пункт и взять свое. Если и есть там милиционеры и активисты, то их сами селяне, ненавидящие советскую власть всей душой, нам на блюдечке при-

несут. Эти соображения я и выложил Коноводу.

– Точно. – Тот разглядывал в бинокль окрестности, и что-то его настораживало. Но он все же решился и отдал зычным голосом приказ: – Вперед, захисники!

И пришпорил коня так, что я за ним едва поспевал.

– Э, осади! – крикнул я, и Коновод сбавил ход. – Ты куда разогнался?

– А что тебе не по нраву? – Коновод вопросительно уставился на меня, благодущие его растворялось, уступая место привычной озлобленности.

– Ты впереди войска-то не скачи, – изрек я. – Не дело это командующего. Наполеон вообще в кресле сидел на пригорочке и лениво наблюдал за сражением.

– И где теперь твой Наполеон? – пробурчал Коновод, но голосу разума внял. Несмотря на отчаянность и кураж, за шкуру свою он боялся сильно. Считал ее слишком ценной для истории, чтобы лишний раз подставляться под злые пули.

Наши передовые силы втянулись в сузившийся тракт, с одной стороны которого был овраг, а с другой – плотный лесной массив. Тут и началось веселье.

Азартно заработал чужой пулемет. Потом еще один. Потом ухнул взрыв. В общем, понеслась душа в рай!

Надо отдать должное, замаскировался противник отлично. Благо много сил ему и не надо было. Обустроили на двух точках пулеметные позиции «максимов», спрятали легкую

полевую пушку калибра 76 миллиметров, да в лесополосе и овраге конники таились, а проверить то место никто не сподобился. Даже селяне о засаде не пронюхали, или им рты так умело заткнули, иначе бы знак нашим подали. В общем, проморгала наша разведка, которая, впрочем, не отличалась большой сноровкой, скорее наоборот: кичливости много, а толку никакого. Вот и результат. Неразбериха! Ужас! Все смешалось – кони, люди! Ржание, крики, а поверх этого – грохот выстрелов.

Мы с Коноводом еще были на пригорке, откуда отлично видели, как метались расстреливаемые люди. Наши люди.

Рядом ухнул взрыв. Наши кони шарахнулись в стороны. Где-то совсем близко просвистела пуля. Это хорошо, что просвистела. Значит, не моя. Отведенная человеку пуля подбирается бесшумно.

Эх, вот опять оно, неповторимое и такое знакомое, испытанное не раз и не сравнимое ни с чем в мире ощущение битвы. Что-то скрипит на зубах – то ли осколки этих самых зубов, то ли пыль и каменная крошка. В уши от близкого взрыва словно вату забили, звуки доносятся издалека, но, если хочешь выжить, ты должен их различать. Проносится мимо, принимая вид то осколков, то пуль, смерть.

К бою невозможно привыкнуть. С ним можно только свыкнуться. Точнее, свыкнуться с мыслью, что от него никуда не деться и нужно выживать всеми силами. А дальше уже играют твои личные качества и опыт. Или ты становишься

частью боя. Или деталью траурного пейзажа – как на картине художника Верещагина «Апофеоз войны», где от воинов остались только черепушки. Я научился становиться именно частью боя. Сколько мной пережито этих самых боев, и я до сих пор жив. Значит, наука не прошла даром. И сознание научилось встраиваться в этот страшный режим.

– Вперед! На сшибку! – отчаянно заорал Коновод, желая бросить в бой гарцующих рядом с нами бойцов, заставить биться обоз, который тащился сзади.

Он уже было собрался пришпорить коня и рвануть в гущу битвы, но тут я заорал что есть мочи:

– Стой! Назад!

– Трусишь, щенок?! – закричал Коновод.

Трушу? Ну что ж, страх в бою вещь естественная. Но вот только или ты овладеваешь им и отключаешь его, или он овладевает тобой, и тогда ты из человека превращаешься в дрожащую тварь. Страх есть у всех. Но кто с ним дружит, того он оставляет в первые же секунды боя, потому что все твое существо занято другим – выживанием и убийством. Ну а нет – сидишь на дне окопа и воешь в пространство, пока тебя не накроет снаряд. Снаряды почему-то любят трусов.

У меня же сейчас страх боя уже ушел, а кураж так и не пришел. Зато пришли холодный расчет и трезвая оценка. Они подсказывали, что биться бесполезно. Пулемет работал как коса, срезая одного за другим и пеших, и конных. Сбоку нарисовалась еще одна группа всадников. И нам оставался

лишь путь назад. Еще можно проскочить, если не жевать губу, как верблюд.

– Держись за мной! – кинул я Коноводу, который уже начал осознавать, что дело кислое.

Свистели пули. Крики. Ржание. Грохот. Ад. И через все это мы ломанулись сначала в сторону леса. Но я вовремя притормозил. Там наверняка тоже подготовлен какой-нибудь сюрприз в виде засады. А вот если в тот овражек...

До оврага мы добрались целыми. Он был достаточно крут, моя лошадь тут же подвернула ногу и упала, покотившись вниз. Я успел спрыгнуть. Поднялся. Отряхнулся и прикрикнул:

– Спешивайся!

Коновод послушно выполнил мое указание. И мы заскользили вниз по склону. И вот уже под ногами захлопал ручей.

Коновод держался за мной, как привязанный – молча и послушно. Его ярость и кураж схлынули, и теперь гнал вперед вечный инстинкт самосохранения.

Звуки боя отдалялись, пока совсем не затихли. А мы шли, хлюпая ногами, перепрыгивая, перелезая через поваленные деревья. Главное – уйти подальше. Чтобы не настигли нас враги, не прочертили с гиканьем острой шашкой спину, не продырявили пулей. Вперед! Не останавливаться! Мы теперь не воины! Мы теперь беглецы!

Ручей кончился. Началось болото, где мы едва не утонули. Но добрались до твердой почвы – островка, оцепленного, как

часовыми, рядом кривых деревьев. Кажется, оторвались.

Коновод тяжело рухнул на землю, жадно ловя ртом воздух.

– Ушли, – сказал я, падая рядом с ним. Хоть и измотался я страшно, и дыхания не хватало, и в висках стучало, но держался ничего – все же я молод, силен и полон энергии.

– Больно, – прошипел Коновод. Бледный как смерть, трясущийся мелкой дрожью, он никак не мог надышаться, втягивал воздух сипло и как-то даже страшно. – Умираю!

– Да ладно стонать! – просипел я. – Сейчас продышишься. И дальше идем!

– Спина, – проскрипел он. – Больно!

Это меня обеспокоило. Я помог ему привстать. Содрал с него кожанку. И увидел, что на белой вышиванке расплывается красное пятно.

Осмотрел его внимательнее. Картина не радовала, но давала надежду. Все же нашла предводителя восстания шальная пуля и на излете застряла в спине. Огнестрельных ран я насмотрелся немало. Хотя и не доктор, но кое-что в них понимал. Если мой спутник сумел пробежать столько и не оочурился, значит, ничего фатального.

Рана едва кровоточила. Видимо, пуля перекрыла какие-то кровяные потоки и встала достаточно удачно. Сейчас она сильно не мешает, но как дальше поведет себя в теле? От неосторожного движения сдвинется, чего-то там пережмет – и вот тебе каюк во всей красе. Да и всякие побочные эффек-

ты, заражение крови. В общем, без врача нам никак. А для визита к нему нужно всего ничего – выбраться из этих мест. Окончательно убедиться, что возможная погоня сбита с хвоста. И найти того умельца, кто извлечет пулю и поставит Коновода на ноги во имя грядущих его свершений.

Конечно, напрашивался самый легкий выход из положения – плюнуть на раненого спутника и мирно идти своей дорогой. Или пристрелить его для надежности, хотя тут моя душа протестовала: стрелять в беспомощного человека совсем не комильфо. Но это все отвлеченные рассуждения. На деле мне нужен Коновод. И так получалось, что я тоже нужен ему. То есть мы нужны друг другу. А поэтому я сейчас перевяжу его. Окажу, насколько могу, первую помощь. И мы пойдем вперед. Искать доктора, укрытие и спасение. Чтобы дальше, с новыми силами...

– Кончаюсь? – хрипло спросил спутник.

– Да хорош ныть, Коновод. Раньше смерти не помрешь.

Я вытащил из кармана его кожанки флягу, на две трети она была полна. И заставил его сделать пару глотков. Потом плеснул ему на спину и аккуратно перевязал – благо бинт у меня всегда с собой, по старой привычке таскаю его на такие вот случаи.

Мы пролежали где-то с час молча. Я косился на спутника с уважением. Это сколько же здоровья нужно иметь, чтобы с пульей в спине отмахать такую дистанцию, на которой и я, молодой здоровый лось, едва не загнулся. И ведь почти при-

шел в себя. Ну а тогда и нечего ждать у болота погоды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.